

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://goncharovia.ru/> Приятного чтения!

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова

Сказа про счастье.
...А счастье, по-моему, просто
Бывает разного роста:
От кочки и до Казбека, -
В зависимости от человека!

1966 г. Э. Асадов.
Пролог.

Самая обычная лесная поляна. Самый обычный лес. Сосны. Кое-где кустарники. Чуть в стороне - заросли малины. И на кусте гроздьями висят тяжелые темно-красные ягоды, размером чуть ли не с фалангу пальца. В синем небе плывут пушистые и вовсе не грозные облачка. Нежно-зеленая трава метелками колышется под ветром. В такую траву хочется упасть, закрыть глаза - и лежать. А потом открыть глаза, глядеть в небо - и опять лежать. И проникаться этим удивительным чувством единения с миром. Когда ты плывешь где-то в вышине, и над тобой плывут облака, и танцуют верхушки сосен, и что-то нежное шепчет ветер. А трава дурманно пахнет, и малина опьяняет слаще любого вина...

Но сейчас мир и покой леса были нарушены резкими, словно птичьи крики, голосами.

- Я тебе запрещаю!

- Папа, но почему?! Почему мне нельзя на землю!? Почему туда вообще никто не летает!?

Вопрос был задан симпатичной девочкой лет пятнадцати. Встретив ее на улице, многие сказали бы "мальвина". А кое-кто еще фыркнул бы "вот панков развелось!". Обычная вроде девочка. Только волосы ярко-синие, насыщенного цвета небесной синевы. И такие же прозрачно-синие огромные глаза.

А в остальном - вот как есть девчушка лет пятнадцати. Подросток. Или как сейчас модно выражаться - тинэйджер. Если кому родного языка не хватает.

Спорил с ней мужчина лет сорока. Но он вызвал бы большее оживление на улицах города. Как-то не принято в сорок лет красить волосы в синий цвет. А глаза у него были, как и у дочери. Огромные. Ясные. Насыщенно-синие. И вроде бы даже без зрачка. Или это просто свет так падал?

Кто знает...

Мужчина вздохнул, а потом словно бы махнул рукой - взрослая ведь. И опустился прямо в траву, не боясь запачкать новенькие ярко-синие джинсы. Девочка, расправив такое же синее платье, опустилась рядом. И как ее в лесу комары не закусили? Впрочем, покой леса был настолько глубок, что даже эти летучие истребители не дерзали потревожить его тишину назойливым зудом крыльев.

- Сима, я когда-нибудь тебе что-то запрещал просто так?

- Нет. Пап, но именно поэтому я и хочу понять! Почему - нет!? Это ведь наше призвание!?

Мужчина грустно улыбнулся.

- Да. Это было наше призвание. Давно. Когда люди еще умели видеть.

Последнее слово мужчина произнес так, что стало ясно - имелось в виду нечто большее, чем 1,0 на каждом глазу и визит к окулисту в случае необходимости. Но девочка поняла его.

- Папа, но они и сейчас - люди. И им плохо. Больно. Страшно. А мы - мы могли бы помочь им - и не помогаем! Вообще ничего не делаем! Сидим в своем отнорке - и

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
знать их не хотим! Разве это правильно?

- Пока они не изменятся - это более чем правильно.

- А как они могут измениться, если у них впереди ничего нет? Если им никто не показывает, как правильно!? Как!?

- Сима, люди - глупые и злые. Им нет дела ни до кого, кроме себя. Я, я, я!!!
Моя выгода! Моя удача! Мои деньги! Моя слава! Моя власть!!! Это все, что им интересно. Посмотри на небо.

Девушка послушно перевела туда взгляд. На миг ее лицо дрогнуло. И стало абсолютно счастливым лицом маленькой девочки. Синева неба отразилась в ее глазах. Или это ее глаза отразились в синеве неба, сделав ее еще ярче? Кто знает... Но она тут же опомнилась и повернулась к отцу.

- Смотрю. И что?

- И то. Люди - они этого не делают. И небо у них совсем другое. Серое. И синие птицы им не нужны. Им вообще не нужны крылья. Они не смотрят в небо и не стремятся туда. А чтобы ползать по земле - нужны ножки. И жвалы, чтобы можно было хватать все - и тащить к себе. Чтобы не вырвалось! Им нужны тараканы, а не птицы, Сима. И я тебя к ним не пущу. Ясно?

Девочка тряхнула головой. А потом грустно произнесла:

- Папа, я ведь нашла тот свиток. Старый. Про нашу судьбу. Я все знаю...

Мужчина резко тряхнул головой.словно встряхнулся.

- И что? Что это меняет?!

- Многое. Я знаю, что мы вымираем.

Мужчина чуть побледнел. Но врать не стал. Опустил голову и кивнул.

- Да. Это так.

- И ты знаешь, почему. Птица, которая не расправила крылья и не взлетела в небо, не сможет вывести птенцов. Одного. Максимум - двух. И умрет, рожая ребенка.

- А так ты умрешь, отправившись туда!

- рявкнул мужчина.

- Сима, я не могу! Я уже потерял твою мать! И не хочу терять тебя! Мой ответ - НЕТ! И не заводи больше этого разговора.

Мужчина вскочил с травы. По-особенному повел руками. Встряхнулся. И спустя секунду вместо него на траве оказалась синяя птица. Яркий лазурный хвост. Темное окаймление по краю крыла. Узкая, изящная головка, точеная шея, пышное оперение...

Птица оттолкнулась - и взлетела ввысь.

Девочка проводила отца грустным взглядом - и упала в траву. Только трава слышала тихое и горькое:

- Ты ведь и так меня потеряешь. Мы не страусы, чтобы прятать голову...

Она ждала. И через пять минут раздался тихий голос:

- Отказали?

- Да.

Ярко-рыжий лис встряхнулся - и растянулся в траве, положив голову девочке на живот.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
- И ничего удивительного. Так всегда бывает. Вы, молодые, рветесь в небо. А старшие удерживают вас из последних сил. И сами тоскуют.

- Но так ведь было не всегда! Ты мне рассказывал!
- А не стоило бы, - проворчал лис.
- Стоило! Сто тысяч раз стоило! Ли, расскажи еще раз, пожалуйста!!!
- Ты же и так все помнишь.
- помню. Но вдруг...

Лис фыркнул. Да-да, лисы тоже умеют фыркать. Особенно если их разозлят глупые девчонки. И тихим голосом начал:

- Это было очень давно. Тогда люди еще не знали, что земля круглая. Они недавно научились добывать огонь и обрабатывать поля. Но еще не знали, что такое деньги. И не знали, что такое власть. В те времена род синих птиц жил на земле. Вы дарили людям счастье, а взамен получали тепло и свет человеческих сердец, без которого не могли жить. И все было в равновесии. Но потом... потом произошло страшное.

На земле началась первая война. Вторая. Третья. И люди вдруг забыли смысл слова - счастье. Для них счастье стало синонимом слова "деньги". Или "власть". Или "выгода". А то и вообще "слава". Может быть, самое страшное из всех - это слава. Но и остальное... Эти чудовища разъели души людей. И синие птицы поняли, что не могут нести подобное счастье. Просто - не сумеют. Умрут. Ваше счастье, оно в том, чтобы окрылять души. Давать им взлететь. Вы дарите крылья. А кому нужны крылья, если они не дают власти? Или денег?

- последнее слово лис произнес так, словно оно было натерто горьким перцем. Скривился - и продолжил: - Вы начали просто вымирать. И тогда старейшины приняли решение. Десять синих птиц пожертвовали тогда собой. Они отгородили кусочек мира - от основного. Так, чтобы вы смогли жить здесь. И мы, духи природы - тоже. Мы помогали им, чем могли. Но и мы могли уже немного. В нас перестали верить. И этим начали нас убивать. Мы умирали. И вы умирали. Поэтому все радовались, уходя сюда. Но оказалось, что закон равновесия не обойти. Вы начали умирать. Птицы стали приносить детенышей все реже и реже. Сначала по два - три. Потом - по одному. А потом стали умирать при родах. Все были в панике. Но мы, духи природы, поняли причину беды.

Людям нужны синие птицы. А синим птицам необходимы люди. Когда птица взрослеет, она должна встать на крыло. А для этого ей нужно пойти к людям. Пойти - и сделать их счастливыми. Но не просто так.

Каждой птице хватает на три добрых дела. Вы можете окрылить три души. И умрете. Умрете, потому что ни один человек не вспомнит о вас, встав на крыло. Ни один.

- А раньше...

- Раньше люди умели видеть. И знали, кому обязаны своими крыльями. А сейчас - нет. Поэтому ты просто придешь в мир. Сделаешь счастливыми трех человек. Исчерпаешь себя до дна. И умрешь.

- Я умру, только если ни один человек не поймет, кто помог ему встать на крыло.

- А они и не поймут. И не надейся. И никто из них не произнесет правильных слов.

- Каких?

- Не знаю. Сима, не проси у меня многого. Я всего лишь старый и усталый дух леса. А не провидец. Я только знаю, что люди должны что-то сделать для птицы. Или что-то сказать ей. Только не по расчету и не из благодарности. От всей души. И она встанет на крыло. Но... мы не можем подсказать. И никто не сможет подсказать людям эти слова. У них уже нету души. У них есть только жажда.

Девочка упрямо сдвинула брови. Такие же синие, как и волосы.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

- Может быть, им нужны синие птицы. Нужны, как вода?

- Глупая маленькая птица. Ты им не поможешь. Ты погибнешь.

Девочка села. Резким, птичьим движением тряхнула головой.

- Наверное. Ли, ты поможешь мне?

Лис поднялся на четыре лапы и потянулся, разминая спину.

- Ты же знаешь, Сима. Помогу. Старый глупый лис всегда поможет молодой и глупой птице свернуть шею. И будет долго над этим смеяться.

Девочка обняла зверя за шею.

- Он будет долго плакать. И я тоже. Я тебя тоже люблю, Лис. Только вот... я должна встать на крыло. Не может быть, чтобы все люди были плохими! Ведь правда же?! Так не бывает!?

Лис вздохнул.

- Я старше твоего отца на несколько тысяч лет. И я не видел, чтобы люди менялись. Но... я стар и глуп. Я проведу тебя на землю. Ты ведь об этом подарке хотела попросить на свой пятнадцатый день рождения?

- Да.

На земле.

Песня первая. Алёша.

Сима легко спрыгнула на землю и огляделась. Вот она какая - ЗЕМЛЯ!

Та самая, откуда ушли ее предки. Та самая, куда вернулась она. Вернулась, чтобы взлететь - или поломать крылья. Кто знает...

Девочка подтянула повыше джинсы. Поправила рубашку. В просвете синей ткани на груди что-то блеснуло. Сима нахмурилась и застегнула пуговку. Так бывает со всеми птицами. Она знала.

Как только она оказалась на земле - на ее груди, как раз над сердцем, вспыхнули три огонька. Незримые постороннему глазу, они будут отлично видны ей. Это - ее сила. Погасший огонек - сбывшееся желание - окрыленный человек. А когда последний огонек потухнет, она умрет. Или взлетит. Неважно.

Важно другое.

Она на земле.

Лис не обманул девочку. И она очутилась в пригороде. Какой-то город. Лис говорил, что он большой. И даже называл имя, но Сима не запомнила. Она была слишком взволнована. Да и какая разница, как зовут это место? Разве важно, где взлететь птице? Или умирать?

Неважно. Важно другое. Люди. Она должна сделать хоть кого-то счастливым. Но здесь людей не найти.

Девочка вздохнула. Поперхнулась воздухом и закашлялась. Болезненно. Судорожно. До слез на синих глазах. Но кое-как пришла в себя. Еще раз вздохнула уже осторожнее. И поморщилась.

Этот кусочек мира не имел ничего общего с тем, который она знала. Лес здесь был жалким и умирающим. Истощенным и искалеченным. Настолько измученным, что даже не мог очистить воздух и дышал этим жутким ядом.

Как же люди им дышат? Сима постаралась дышать неглубоко. И огляделась.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Кое-где вырублены деревья. Между оставшимися страдальцами – и пеньками, единственной памятью о погубленных, протоптаны тропинки. И она сейчас стоит на одной из них. Тропинка грязная. И рядом с ней что-то валяется. Яркое...

Сима не удержалась. Подняла это блестящее. Комок легко сминался в пальцах. Шуршал. Хрустел. Выглядел он ярко и даже привлекательно. Сначала. Но стоило девочке поднести его к носу – и в следующий миг она с криком гневного омерзения откинула предмет в сторону.

От него пахло смертью.

Медленной, страшной и дурной смертью.

И девочка даже могла сказать почему. Кто-то просто убил травы. Взял их, убил, а из остатков свернул что-то вроде палочек. И люди жгли их останки, вдыхая ядовитый дым.

Природа строго соблюдает закон равновесия.

Если ты убиваешь живое просто ради своего удовольствия – плати за это. Плати своей жизнью. Травы не слишком сильны. Но рано или поздно количество переходит в качество. И человек перестает дышать. Корчится, выхаркивая остатки легких. Такие же черные, как пепел сожженной травы.

От яркой бумажки, на которой было написано "мальборо" пахло именно этим. Дурной смертью. И девочка смотрела на нее с подозрением.

Мир людей встретил птицу первой истиной.

Самые ядовитые существа – самые красивые.

Сима далеко обошла яркую бумажку – и зашагала по тропинке. Куда? Неважно. Птица знала, что это всего лишь парк. Чуть больший, чем обычно, но даже не лес. Здесь нельзя заблудиться. И рано или поздно она выйдет к людям. Обязательно.

Она осторожно дышала ядовитым воздухом и почти не морщилась. Но удержаться от гримасы боли ей все же не удалось. Первый раз – когда она вышла к речке и пошла вдоль нее.

Река была почти мертва.

Серая тусклая речушка несла больше грязи, чем воды. Ее воды пахли чем-то едким и острым. Рыба в ней кричала от боли и страха, но не могла ничего сделать. Хозяин-водяной давно ушел, а что может бессловесное существо? Только прокричать о своей боли тому, кто понимает. Например, Симе.

И птица поняла. Но что она могла сделать? Только прикоснуться сознанием к серой воде – и на миг утишить ее боль. На один-единственный миг. Но даже этого хватило, чтобы она споткнулась обо что-то острое – и неловко села на тропинку.

Села – и услышала рыдания.

Кто-то плакал в парке. Плакал отчаянно и не стесняясь, что его услышат.

Сима подумала пару секунд. А потом осторожно поднялась и пошла вперед. Туда, откуда тянуло человеческой болью. Острой и жестокой.

Туда, где нужен был хотя бы маленький кусочек счастья.

Она наткнулась на него буквально через двадцать шагов. Тропинка вывела ее к мостику через речку. А на мостике сидел мальчик лет десяти. И ревел, размазывая слезы грязными кулачками.

Сима подумала. Потом подошла и села рядом с ним на край мостика. Мальчишка перестал рыдать и поглядел на нее с подозрением.

– Чего приперлась?

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Голос у него был хриплым, а в груди что-то клокотало и булькало.

Сима не поняла последнего слова. Но переспрашивать не стала.

- я шла мимо, - ответила она.

- Ну и иди, откуда шла, - огрызнулся мальчик.
- Чего уселась, как на лавке?!

Сима помолчала. Подумала. И тихо спросила:

- Почему ты плачешь? Что случилось?

Мальчишка сверкнул на нее ярко-зелеными глазами.

- Твое какое собачье дело!? Приперлась тут, кукла крашенная!

- я просто хочу помочь, - мягко сказала Сима.

- Чем!?

- мальчишка презрительно скривился.

- Чем ты можешь помочь!? Никто помочь не может, понимаешь, никто!!! У мамки - рак!

- Рак?

Сима не знала, как может повредить кому-нибудь симпатичный обитатель речного дна. Цапнуть за палец? Но решила не уточнять. И верно. Мальчишка еще раз сверкнул глазами.

- Да! Рак крови! Там какое-то название жуткое... Как папка ушел - ей все хуже и хуже было. А он ей сначала изменял, я помню, я маленький был, они все время ссорились, а потом вообще ее бросил! Ушел к какой-то силиконовой кукле! А мама рыдала. Ей больно было! А после развода она стала бледнеть, худеть, у нее голова часто кружилась... Мы думали - это от нервов, а она однажды упала. Ее на скорой отвезли. А в больнице бабушке сказали, что полгода - и все. Она умрет.

- Обязательно умрет?

Лицо мальчика скривилось.

- Обязательно!? Говорят, нужна пересадка костного мозга! Бешеные деньги! Почти три миллиона рублей! Бабушке сказали! Даже если мы все продадим, у нас столько не будет. И мама умрет... Почему я еще маленький!? Вот если бы я был большим, я бы все отдал, лишь бы она жила! Я бы...

Мальчик опять разрыдался.

- а отец?

- А он нас давно забыл! Ему до нас нет дела! Никакого!
- прорвалось сквозь слезы.

Сима смотрела на ребенка. И то, что она видела, наполняло ее душу тоской.

Мальчик был воином.

Прирожденным. Сильным и смелым. Благородным и великодушным. И когда-нибудь мог вырасти в генерала, идти в бой под командованием которого, будет честью для солдата. Но сейчас... сейчас душу ребенка корежило осознание своего бессилия. Словно у него за спиной методично ломали крылья.

Он забудет о благородстве. А весь талант мальчика пойдет на то чтобы добыть больше денег и больше власти. Бесплодный путь.

Он будет исполнять мечты обиженного ребенка, будет пытаться защитить своих родных - но кого?! Умершую мать!? Семью?! Но у него не будет семьи.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Будет женщина, рядом с которой он будет жить – не доверяя, боясь потерять близкого человека. И будут дети, которые не поймут его. Потому что "папаша нужен только, чтобы заработать бабки". А зачем еще? Он и не поймет, что на этом пути утратит душу. А крылья...

Крылья он утратит в день смерти матери...

Сима глубоко вздохнула. Собралась. И поглядела мальчику прямо в глаза.

Ребенок вздрогнул, но не отшатнулся.

– Как тебя зовут?

– Алексей. Алёша. А что?

– Возьми меня за руки, – попросила Птица.

– Крепко.

Лёша послушался.

И в следующий момент – выгнулся и закричал. Не от боли. От восторга.

Ему показалось, что вокруг вспыхнул ослепительный свет. А сам он – летит! Летит сквозь облака и тучи, туда, где небо – потрясающе синего цвета. Такое же, как глаза этой странной девушки. Синие-синие...

Синяя птица взмахнула крыльями.

Сейчас именно птица, не Сима, Симы уже не было, разглядывала мальчика. Весь мир был пронизан мириадами нитей. Потянешь за одну ниточку – будет дождь. За вторую – и прохожий на улице улыбнется солнечному лучику, внезапно пробежавшему по лицу. За третью – и ребенок во дворе дома заплачет над сломанной игрушкой.

Ниточек так много...

Но ей нужны всего лишь две. Те, что имеют отношение к этому мальчику. Одна из них – ведет к его отцу. Вторая – к его матери. Так несложно дать им обоим кусочек удачи. Так легко...

Это не причинит никому вреда. Но Алёша сможет взлететь. А может, и его родители... кто знает?

Нити расправились под ее взглядом, налились синим цветом – и запульсировали.

Они оживали. И Сима знала – ей все удалось.

А теперь...

Алёша очнулся далеко не сразу.

Он по-прежнему стоял на мостике через грязный ручеек. И не было ни девочки, ни крыльев, ни полета...

Не было!?

Мальчик решительно расправил плечи.

Теперь он знал, что надо делать. И решительным шагом шел туда, где сможет изменить свою судьбу. Свою и своей мамы... Прирожденный воин будет сражаться до последнего. Пусть шансы невелики. Но они такие, какие они есть. Он – справится. И не сдастся. Уже никогда он не опустит голову ни перед врагами, ни перед обстоятельствами. Нет такой судьбы, которую нельзя было бы изменить! Все в его руках.

И иногда мальчику казалось, что за его спиной бьются невидимые белые крылья.

Тот же день, часом позже, телестудия "Зевс".

- Твою мать! И никаких новостей!? Нам даже в сетку поставить нечего!? Вы репортеры или ... и ...!? Придумайте, наконец, новости, если их нет!!! Вон отсюда, на улицу!!! И опросите людей, что они думают о налоге на презервативы!!!

Монолог взбешенного директора оборвало появление в студии ребенка лет десяти. Он запнулся на миг, а потом заорал еще громче.

- А это еще кто!? Кто пускает сюда детей!? Ты вообще чей, мальчик!?

Алёша (а это был именно он) демонстративно скривился. Смерил взглядом толстяка. И четко произнес.

- Здравствуйте. Меня зовут Карелин Алексей Германович. Я хочу поговорить с тем, кто делает телепередачи.

Директор на миг опешил. А мальчик продолжал, пока его не перебили. Он уже знал, что и как будет говорить. Часа, в течение которого он шел сюда, хватило и на обдумывание речи, и на подбор правильных слов. Мальчик знал - взрослые не будут слушать долго. Поэтому надо все сказать очень быстро и понятно. И плевать, что от холодных и равнодушных взглядов сжимается сердце. Сейчас он дерется за жизни своих родных.

- Это очень важно. У меня умирает мама. Ее можно спасти, если сделать операцию. Но у нас нет таких денег. Я хочу обратиться к людям из телевизора. Попросить о помощи...

На последних словах голос мальчика таки дрогнул, и Алёша уставился в пол. Прямо на пыльные и грязные носки своих кроссовок. Но приступ слабости прошел быстро. Белые крылья опять развернулись за спиной мальчика. Он поднял голову и поглядел на взрослых. На толстяка, который перестал орать и задумчиво разглядывал ребенка. На репортеров и операторов. На околотелевизионную шушера...

И взрослые люди отводили глаза...

Может быть, впервые за долгое время им было стыдно.

Директор хотел что-то сказать, закашлялся и махнул рукой. Кто-то подсунул ему стакан с газировкой. Он сделал два глотка и кивнул.

- В вечерний выпуск! Сегодня же! Ребенка - в студию! Ко мне секретаря. Сейчас съездим к его матери, откроем счет...

- Мама в больнице, - тихо произнес Алёша.
- Дома только бабушка.

Директор неловко погладил мальчика по плечу.

- А как зовут бабушку?

- Лилия Максимовна.

- Диктуй телефон.

Тот же день, пятью часами позже.

Герман Львович Карелин редко смотрел телевизор. И еще реже - местные новости. Но... так получилось. Когда он пришел домой его новая подружка (молодая, ногастая, грудастая и губастая, вытравленная до белого цвета перекисью водорода - одним словом эскорт обыкновенный, средней дороговизны) скакала по каналам. Увидев "папика" она вскочила и принялась хлопотать, забыв про телевизор. Помогла снять пиджак, налила виски...

А на экране тем временем появилась заставка местного канала. И раздался звонкий детский голос.

- Здравствуйте. Меня зовут Алёша. Папы у меня нет. А моя мама тяжело заболела. Врачи говорят, что у нее рак и требуется сложная операция. Я очень прошу всех...

От возмущения у Германа "в зобу дыханье сперло". Исчезло с экрана лицо мальчика - без грима, с полосками от слез на щеках и в пыльной старой майке, исчезла ведущая, которая показала историю болезни и назвала номер счета, чтобы перечислить деньги или номер телефона, чтобы звонить - пятьдесят рублей за звонок и деньги тоже идут на счет бабушки мальчика. Исчезло зрелище обычной бедной однокомнатной квартирki, в которой жил Алёша. А Герман все еще не мог оправиться от возмущения.

Ах наглый щенок! Отца у него нет!? Христарадничать вздумал!?

Герману и в голову не приходило, что приди к нему Алёша - он наверняка отказал бы ребенку. Сейчас им владел только гнев.

Крылья не раскрываются у людей, которые привыкли ползать. Жрать, ползать и гадить.

Что-то пискнув, отлетела в сторону "моделька".

Герман вылетел из дома и помчался, забыв про безумно дорогой джип, к дому в двух кварталах, где жила его первая жена с ребенком.

Он даже не предполагал, что ему тоже улыбнулась удача. В таком состоянии он врезался бы в первую попавшуюся машину - и скорее всего, с летальным исходом. Но Сима давала шанс и ему. Расправить крылья - и помочь взлететь сыну... но у червяков не бывает крыльев.

Когда Герман влетел во двор, Алёша сидел на скамейке. Мальчику не хотелось идти домой, где тихо плачет бабушка, и что-то говорят взрослые. Он знал - теперь все будет хорошо. В мире ведь много действительно добрых людей. И если их попросить - они помогут. А он в свою очередь будет помогать тем, кто к нему обратится. И цепочка добра потянется в будущее.

Как была права та девочка в парке...

Алёша посмотрел в небо и улыбнулся. Он помнил - полет. И всегда будет помнить синеву неба, облака, через которые он пробивался, и сильные крылья, несущие его вдаль. Сколько бы лет не прошло. Что бы ни случилось в жизни.

Он всегда сможет воскресить в своей памяти это небо. Он навсегда принадлежит ему. А он принадлежит небу.

Водитель, который привез директора телестудии, покосился на мальчишку. А молодец, парень. Не струсил. Все старается сделать для матери. Да, такого сына каждому иметь лестно... Такой маленький, а уже - мужчина. И его уже не сломаешь. Это-то водитель видел совершенно отчетливо. Мальчик не станет, как он сам, бежать и прятаться. Не станет терпеть и мириться с несправедливостью. Не станет прятаться от самого себя в бутылку с водкой, как это делал он, давно, после возвращения из Чечни, будь она проклята!

Молодец...

- Ах ты, сопляк, ...!!!

Тишина двора была разорвана дурным воплем Германа Львовича, который увидел своего сына, сидящим на скамейке.

Каким чудом Алёша успел вскочить и обежать ее - он и сам не знал. Но - успел. И замер там. Герман тоже замер. Огромное желание отодрать за уши мерзкого мальчишку кипело и бурлило внутри него. Но мужчина отлично понимал, что сыну хватит времени убежать. А догнать Алёшу он не сможет. И он решил для начала высказать все свои претензии.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

- Что, ..., отца у тебя, ... нет!? Попрошайничаешь, ...!? Ах ты...!!!

фраза была густо пересыпана матом. Но к удивлению мужчины, мальчик не дрогнул. Не струсил. Не спрятался. Не побежал. Наоборот, расправил плечи и брезгливо посмотрел на красного, разъяренного бизнесмена.

- Да. У меня нет отца. Когда мне будет шестнадцать, я поменяю фамилию и отчество. И слышать о тебе больше не хочу.

- Что!? Да ты, ...!!!

На плечо Герману легла тяжелая рука. Пальцы сжались клещами. Попали в болевую точку - и вместо яростного рева прозвучал какой-то всписк. Совершенно несолидный и не грозный.

- Еще раз побеспокоишь ребенка - я тебе твоими же яйцами уши заткну, - тихо сообщил шофер дядя Миша. И такая убежденность прозвучала в его голосе, что Герман вдруг как-то обмяк.

- А... это...

- Пошел вон. Мразь.

Последнее слово дядя Миша даже не произнес, а прорычал. Как здоровущая кавказская овчарка, оскалившая клыки. Еще не бросок, но уже предупреждение: "Не подходи. Живым не уйдешь".

И Герман это понял. Хрипло вздохнул - и побрел со двора.

Дядя Миша развернулся к мальчику. И обнаружил, что тот сжал кулачки. И ни слезинки в глазах.

- Ты как? В порядке?

- Да. Скажите, а где вы научились вот так...?

- Это? Чечня.

- А вы можете меня научить?

Дядя Миша... а может уже и Михаил Иванович Востриков расправил плечи. Улыбнулся. Спокойно, по-доброму, как когда-то улыбался майор Вострый.

- Зачем?

- Чтобы я мог защитить маму. И бабушку. Я знаю, я маленький. Но я буду стараться. Обещаю!

Михаил Иванович прищурился. Что-то давно сломанное распрямлялось в нем.

- Научу. Есть такой спортивный центр "Гренада". Знаешь?

- Да. Это рядом, на той улице.

- Там мой друг работает. Он меня давно тренером приглашал. Так что запиши мне телефон. Как туда устроюсь - я тебе позвоню.

- Хорошо. Теперь все будет хорошо. Я знаю.

И показалось Михаилу Ивановичу, что глаза мальчика на миг полыхнули нестерпимо синим светом. Светом неба.

Интерлюдия 1. В заповедном лесу.

Это был тот же самый лес. Та же поляна. Тот же мужчина. Не хватало только девочки с синими волосами. Вместо нее на поляне сидел самый обыкновенный рыжий лис. Сидел. А мужчина расхаживал, как дикий зверь в клетке, то и дело вскидывая

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
руки, поводя головой и встряхиваясь всем телом. Словно пытался избавиться сам от себя.

- Как ты мог!? Как ты даже мог подумать о таком!? Зачем ты отпустил ее!?

Лис был невозмутим, как скульптура.

- Так было надо.

- Ты должен был остановить ее! Задержать!! Сказать мне!!! Ты понимаешь, что убил ее!?

- Нет.

- Что - нет!? Что - нет!?

Лис лениво повернул голову.

- Она должна пройти свой путь. А ты должен принять ее решение.

- Ее смерть!?

- Какая тебе разница!? Птица, которая не взлетит - умрет при родах. Ты все равно потеряешь ее. Раньше, позже... пара лет - разве это много?

- Скотина!

Лис зевнул и растянулся на траве во всю длину. Он сказал все, что хотел. Мудрому достаточно. А дураку - не докажешь.
Песня вторая.

Владислав Петрович.

Сима кое-как добралась до границ парка. Как оказалось, до города было достаточно далеко. И теперь она упрямо шла по обочине шоссе, загребая кроссовками пыль. Время от времени она начинала кашлять и задыхаться, но потом боль в груди успокаивалась - и девочка шла дальше. Позади остался мальчик Алёша. Она знала - все сделано правильно. Но легче не было. В сердце словно поселилась небольшая тупая иголочка - и время от времени поворачивалась, покалываясь глубоко внутри. Но - разве она могла поступить иначе?

Разве можно было не помочь ребенку?

Нельзя.

Беда в другом. Один из огоньков над сердцем - погас. Быстро и бесповоротно.

И сейчас девочке было больно.

Но... разве взлететь - легко!?

Нет!

Сима решительно откинула волосы с лица.

Осталось два человека. И она обязательно их найдет.

Взвизгнули колеса. Рядом с ней остановилась железная повозка. Лис называл их машинами. Девочка недоуменно поглядела на нее.

Из окна высунулся человек - мужчина лет сорока - пятидесяти.

- В город?

Сима кивнула. Что отвечать - она не знала.

- Садись, подвезу.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

Сима недоуменно поглядела на повозку. Она не знала, как садиться в машину. Но человек сам решил за нее эту проблему. Дернул за что-то внутри – и дверь распахнулась, едва не задев девочку.

- Садись-садись. Денег не попрошу, – подбодрил ее мужчина.
- У меня дочка такая, как ты.

Сима кивнула. Птица могла видеть души людей. И знала – этот человек не злой. Он действительно хочет только помочь. Не надо его обижать.

Она неловко влезла в машину, задев макушкой обо что-то металлическое. На глаза даже слезы навернулись.

- Осторожнее. Что ж ты так неаккуратно – водитель перегнулся через девочку и захлопнул дверцу.

Машина рванулась с места. В салоне Птице было тяжело. Клетка – она в любом виде клетка. Но...

- Как тебя зовут?
- Сима. А вас?
- Владислав Петрович. Откуда идешь-то?
- Из дома, – отозвалась Сима. И вдруг спросила.
- Владислав Петрович, а вы – счастливы?

Мужчина неопределенно хмыкнул. Задумался. И вдруг улыбнулся.

- Сложно сказать. А что такое счастье? Вот смотри у меня дом хороший, семья крепкая, родители пока живы, они меня любят, жена вообще чудо, да и дети вроде молодцы, старший Санька, в медицинститут сам поступил, говорит – хирургом буду, младшая Алинка – тоже умница. В олимпиадах участвует, хочет программистом быть. Работа вот у меня есть. Сейчас с дачи еду. Там повозиться – вообще в удовольствие...

Сима задумалась.

- Владислав Петрович, это ведь другое. А вы счастливы?

Мужчина подумал еще немного.

И пожал плечами.

- Наверное, да.
- Скажите, а взлететь вам никогда не хотелось?

Вопрос был ужасно важен для Симы. Тем более она видела – этот серьезный мужчина, встретившийся на пути, не будет отмахиваться и огрызаться. "Вот еще, глупости говоришь...". Чем-то он напоминал ей ее отца.

- Сложно сказать. В юности иногда снилось – летаю. Сейчас уж и ощущение забыл.

Сима еще внимательнее взгляделась в мужчину. А ведь и верно...

- А вы по дереву никогда резать не пытались?

Мужчина удивленно хмыкнул.

- Ишь ты, стрекоза... Пытался. Давно. Забылось уже, что и как...
- А опять начать не хотите?
- Да некогда мне этой глупостью заниматься.

Сима внимательно глядела на человека. Хорошего человека. Доброго. Или лучше

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
сказать – не злого. И понимала – и так бывает. Человек сам оборвал себе крылья.
И считает, что счастлив. А крылья ему просто не нужны. Незачем. Ног хватает. И
стоит он крепко, и в небо не тянется... а крылья – были ли они?

Мужчина ведь и не помнит, как это – летать.

А она? Может ли она дать ему крылья? Имеет ли она право вернуть ему забытое?

Сима на миг задумалась. А потом улыбнулась своим мыслям. Может ли? Имеет ли право?!

Смешные вопросы.

Люди изначально созданы крылатыми. С душой, способной взлететь – и сиять.
Просто они об этом не всегда знают. А синяя птица обязана помогать людям. Даже
если они не понимают, что нуждаются в помощи. Помогать встать на крыло. И
спрашивать тут незачем. Разве можно спрашивать слепого – что он думает о красном
или синем цвете?!

Нельзя. И жестоко.

Какое-то время они молчали. Сима обдумывала свой поступок. Владислав Петрович
сосредоточился на управлении машиной. И чуть улыбался про себя. Ишь ты...
счастлив? А что – для счастья нужно начинать резать по дереву? Смешно!

Машина затормозила в городе на автостоянке. Совсем рядом с домом Владислава
Петровича.

– Тебя куда довезти-то, стрекоза?

Сима покачала головой.

– не надо. Вы уже довезли. Владислав Петрович, поглядите мне в глаза.

Мужчина на миг развернулся к девочке, собираясь спросить – что ты еще
придумала? И вдруг...

Под ногами качнулся пол. Куда-то исчезла машина. И он сам исчез. И все
окружающее. И город. И весь мир.

Не было ничего. И никого.

Было только небо.

Невероятное. Синее. Пронзительное.

И он летел, разрезая воздух мощными крыльями. Золотистыми – как мед. Летел – и
плакал от восторга. Плакал, кричал, пел... в глазах отдавались синие всполохи и
играли мириады красок. И откуда-то мужчина знал – он будет все это помнить.
Обязательно. И иначе никак. Будет помнить. Будет... летать!?

– Отец, тебе что – плохо!?

Владислав Петрович даже не сразу понял, что обращаются к нему.

Он сидел в машине, на автостоянке. В распахнутую дверцу заглядывал какой-то
парень. И лицо у него было тревожное и серьезное.

– Да нет...

Владислав Петрович поразился своему голосу. Такому неуверенному, такому
ломкому...

– спасибо – произнес он.

– Не надо...

– точно? А то я смотрю – машина открыта, человек сидит – и плачет... думал беда
какая...

Владислав Петрович улыбнулся.

- Нет. Не беда. Вовсе даже радость. Спасибо, друг.

Парень кивнул, убегая куда-то по своим делам. А Владислав Петрович махнул рукой на все – и отправился домой. Вести машину ему не хотелось. Хотелось лечь на диван, закрыть глаза – и еще раз попробовать пережить этот восторг.

Что же сделала та девочка? Наркотиком, что ли, прыснула? Но зачем? Все на месте и машина, и деньги, и документы... непонятно.

А войдя во двор своей пятиэтажки, Владислав Петрович вдруг увидел...

У них во дворе росли деревья. И среди них одна березка. Старая такая, уже почти рухнувшая. Вот ее сегодня и спилили, чтобы не дай бог не рухнула ни на дом, ни на машины. Или – того хуже, на людей. Оставался небольшой пенек. А ствол, распиленный на несколько частей, беспомощно лежал на сером асфальте. И было что-то такое беззащитное в нежной белой коре, раскинувшейся в серой городской пыли...

По березе не режут. Дерево не слишком подходящее...

И он ведь не помнит – КАК.

И инструментов нет...

Владислав Петрович сделал шаг. Второй. Третий.

И вдруг обратился к дворнику Михалычу, который стоял и курил рядом с деревом.

- Здорово, Михалыч. Спилили, значит?

empty-line /> - И тебе не хворать, Петрович. Спилили. Жаль, конечно, а только надо. Еще рухнет, покалечит кого, беды не оберешься.

Владислав Петрович кивнул головой.

- А теперь ее куда же?

- А куда? Вот, отдохну чуток да перетащу к помойке. А там вывезут.

К помойке?!

Владислав Петрович отдавал себе отчет – раньше он прошел бы мимо. А сейчас... сейчас...

- Михалыч, я сейчас подгоню машину – помоги мне ее погрузить. На дачу дрова нужны. Ты не думай, я заплачу...

- Петрович, ты чего!?

- возмутился дворник.

- Подгоняй. Я тебе по знакомству и так помогу. Только ты ведь всю машину обдерешь...

- Да и х... с ней! Поможешь?

- Помогу.

- Тогда жди... я сейчас!

Владислав Петрович соврал. Уже через час машина стояла в гараже, а сам он осторожно перегружал березу в сухой угол. Потом выбрал обрубок попрямлее, нашел подходящий нож, несколько пилочек..., положил рядом сверло...

Вечером его нашли в гараже. Довольного, счастливого по уши – и ожесточенно

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
сражающегося с неподатливой древесиной.

- Слава, ты куда запропастился!?
- возмутилась его жена, Людмила, подходя к мужу. Она сердилась. Муж удрал, не отвечая на звонки, куда-то в неизвестность, а они сегодня собирались по магазинам... да и вообще - тревожно. Не дети ведь уже! А если сердце?! Или еще что!?

Людмила была решительно настроена на скандал. Но сделала шаг внутрь гаража. Другой. И вдруг задохнулась от восхищения.

- Славка!

Из дерева под его пальцами словно проступал тонкий лик. Икона?

Нет.

Женское лицо. Вроде бы ее. Но такой красивой она никогда не была. Даже в молодости. И все же... уже намечены были прожилками волосы, вычерчены глаза, губы, загадочная улыбка, при виде которой Джоконда позеленела бы от зависти...

Люда задохнулась от восхищения. И вместо ругани тихо спросила:

- Тебе ужин сюда принести?

Владислав Петрович кивнул, не отрываясь от работы. А Людмиле показалось на миг, что за его спиной растут огромные лебединые крылья. Смешная фантазия, правда?

Сима кое-как добралась до скамейки в парке. Присела, перевела дыхание.

Ей тяжело давалось пребывание в этом городе. Очень тяжело. Город был злой и мертвый. И пытался убить и ее. Но - разве это важно?

Еще один человек обрел крылья. Еще один. А она?

А она обрела тянущую боль в сердце. Два огонька из трех погасли. Она отдала себя этим людям. Показала им небо. И теперь только они могут решать, лететь им - или остаться в пыли.

А она... а что - она?

Она отдохнет - и пойдет дальше. У нее еще осталось одна попытка. Один человек. Один огонек, который она может зажечь.

Она - должна.

Теперь Сима чуть лучше понимала, почему отец не хотел отпускать ее. Потому что Птица - не удержится. А всем крылья не дашь. Наверное, она умрет.

Но Сима не жалела. Незримые крылья полоскались у нее за спиной. Синие глаза сияли. Она мечтательно улыбалась.

Пока не почувствовала рядом что-то неладное. А потом встала, пересилив себя - и пошла туда, где ощущалось человеческое горе.

Интерлюдия 2

Та же поляна. Тот же мужчина. Тот же лис.

- Уже двое. Лис, ты понимаешь, их уже двое. За один день.

- И что?

- Лис равнодушно взмахивает хвостом.

- Еще один человек - и моя девочка умрет.

- Нет.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

- Нет!? Птица может дать крылья трем людям! И - все! Потом - смерть.

- Как ты любишь передергивать. Она умрет, да. Но только если ни один из людей не осознает, ЧТО она для них сделала. И не произнесет волшебные слова.

- они не смогут осознать. Они слепы и глухи. Для них счастье - не крылья. Деньги! Власть...

- Хватит, - лис раздраженно дергает ухом.

- Что ты вообще хотел!? Чтобы она всю жизнь прожила здесь? Да!?

- Она моя дочь.

- Это не дает тебе право обрезать ей крылья. Если любишь - ты ее отпустишь.

- На смерть?

- Если любишь - ты отпустишь. А смерть - или нет... она все равно умерла бы. Но сейчас она умрет в полете. А в твоих руках она умерла бы сломанная. Что тебе больше нравится?

Мужчина сникает.

- Ты безжалостен, хранитель.

Но в ответ слышится только равнодушное:

- Небо тоже безжалостно.

Песня третья. Аня.

Аня сидела на скамейке. Было тоскливо донельзя. А чего еще можно было ожидать? Когда тебя ругают, при всех называют дурой и чуть ли не посылают по матери?

Руки просто опускались.

Тяжело ли ребенку из деревни поступить в университет? На бюджетное место? Да не куда-нибудь, а в медицинский?

Почти невозможно.

Но Аня все равно решила попробовать. Школу она окончила с золотой медалью. И не купленной. Нет, каждая ее пятерка была оплачена ночами труда. Аня всю жизнь мечтала стать врачом. Хиругом. Помогать людям. Возвращать им жизнь.

Аня знала - родители не смогут ее содержать. Куда там - когда трое младших на шее. Огород, свое хозяйство - это выручает. Но ты поди, одень всех! И дом поддержи! А если отец попивает "горькую"? Если ни водопровода, ни канализации?

Учиться в таких условиях адски тяжело.

Аня знала - ей едва ли оплатят билет на автобус. И то - мать считала учебу несусветной дурью. Лучше уж выйти за Степана Петровича, который жил через два дома. Жена у того умерла уж года два как и он заглядывался на Аню.

Родители не препятствовали.

"А что, - говорил отец, - Ты, Анька, девка ладная, гладкая. А что учиться не будешь - так оно и лучше. Кому в доме ученая баба нужна? Нам бы кого попроще".

А Ане снилась операционная. И сама она - у стола. И короткие четкие команды.

- Скальпель. Зажим. Тампон....

Так что получив на руки аттестат, Аня как следует его припрятала вместе с медалью. И стала готовиться к отъезду.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Но странное дело – родители не мешали. Она удивлялась – почему? Потом мать высказала прямым текстом.

– Все равно ты не поступишь. Побегашь, да и вернешься. Но так хоть на нас зла держать не будешь.

И Аня уехала.

На время экзаменов ее поселили в общежитии. А потом... тогда еще не было ЕГЭ. Было собеседование. И ее явно валили, задавая такие вопросы, которых просто не было в программе. Но она – знала. И сотню раз благодарила местную старенькую фельдшерицу, которая давала девочке свои книги. По анатомии, физиологии, гинекологии, фармакологии... старушка была твердо уверена, что из девочки выйдет замечательный врач. И помогала ей во всем.

Самым сложным оказалась химия. Но учебники Некрасова и Глинки осечек не давали. И Аня, не веря своим глазам, смотрела на списки зачисленных.

"Анна Некрасова".

Зачислена.

Она не поехала домой. Дорого.

Просто позвонила. И отправилась в общежитие.

Комнату ей выделили. Да, не самую большую. С двумя соседками и у туалета. Ну и что?

Сложнее было устроиться на работу.

Если кто не знает – мединститут – это сродни каторге. От рассвета и до ночи. Если ты будешь тупо ходить на лекции, ты просто вылетишь после первой сессии. На тебя сваливается чудовищный объем информации. И впитывать его надо беспрерывно.

А ночью надо подрабатывать. Спасибо одной сокурснице. Таня вообще была редкостной стервой. И почему она решила помочь Анне – бог весть. Но однажды она подошла, и выдув пузырь из жевательной резинки, процедила:

– Тут папаше уборщица нужна. В банк. Пойдешь? Убирать после восьми вечера.

Аня не просто пошла. Побежала.

И четыре года каждый день выходила на работу. Четыре года отмывала грязные полы, вытирала пыль, выносила мусор... и была благодарна за эту работу!

Уборщицам в банках платят неплохо. Ей хватало на жизнь. Пусть одежда из секунд-хенда. Пусть она неухожена. Пусть...

Аня шла к своей мечте. И готова была заплатить любую цену.

Потом она стала подрабатывать уколами. Капельницами. Массажем. И ей стало чуть полегче.

А потом – ординатура.

И заведующий отделением Лев Михайлович. Седовласый, красивый... хирург от бога.

Аня с восхищением смотрела, как он делает операции, ловила каждое его слово, каждый жест, сотни раз в мыслях проделывала то же самое... какой радостью было, когда ей предложили постоянную работу!

А теперь...

Она первый раз поссорилась со Львом Михайловичем.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Она никогда бы не осмелилась настоять на своем, но...

- Тебе плохо?

Аня с удивлением посмотрела на появившуюся из темноты девчонку.

Странная.

Это первое, что приходило в голову.

Синие волосы, синие глаза, мраморно-белое лицо, простенькая одежда... но что-то такое, в манере держать себя, в ее речи, в движениях...

- Ты кто такая?

- Сима. А ты кто?

Аня вдруг развеселилась. Идиотский разговор на лавочке - это то, что надо, когда рушится жизнь. Точно!

- А я - Аня.

- И тебе плохо.

Девочка смотрела, по-птичьему склонив голову. И в синих глазах светилось участие.

- Что случилось? Расскажи? Я пойму, правда...

Аня пожалала плечами. Почему бы и не рассказать?

Ей было сорок два года. Этой женщине, которую привезли на "скорой". Обследования, анализы...

Лев Михайлович поставил страшный диагноз.

Рак почек. И женщину не станут даже оперировать.

А Аня читала ее историю болезни. Разговаривала. Сама обследовала поступившую.

И готова была поклясться, что одна почка - нормальна!

Она будет функционировать! Надо убрать пораженный орган - и все будет хорошо.

Но Лев Михайлович сказал - злокачественная опухоль.

Все говорило в его пользу.

Опыт, анализы, положение...

А у Ани были только руки и чутье.

И она была уверена - она права!!!

Она попыталась поговорить с заведующим. Не помогло. Впервые они поссорились. Лев Михайлович обозвал ее глупой девчонкой. Отругал. Сказал, что она подставит все отделение. Что пациентка потом их по судам затаскает... до смерти. Что Аня - просто дура. И лучше пусть эта женщина умирает где-то там.

А Аня была уверена в своей правоте!!!

Она ЗНАЛА!!!

Но разве можно спорить?

Её ведь просто выгонят...

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

Сима смотрела на сидящую перед ней девушку. И понимала – дальше она не уйдет. Третий человек, который должен обрести крылья – перед ней.

Вот так вот.

Пока требовались щупальца, пока девушка ползла к своей мечте, цепляясь за все и стараясь не упасть – все было хорошо.

А когда понадобилось поверить в себя, расправить крылья и взлететь – испугалась.

Испугалась оторваться от земли под ногами и ощутить небо.

Испугалась самой себя. Испугалась потерять уже достигнутое.

А она ведь не простит себе этого.

Надлом останется.

Кто предал себя – тот не полетит никогда. Сломанная рука срастется.

Сломанное крыло... только не в этом случае.

И Сима может, да... она может.

Решение было принято.

Сима впилась зрачками в лицо Анны.

– Посмотри на меня. Посмотри мне в глаза.

Аня и ахнуть не успела когда на плечи ей легли неправдоподобно тяжелые и теплые руки.

– Смотри мне в глаза – повторил голос.

И Аня – упала.

Или взлетела?

Она летела над синим морем, сквозь грозное небо, молнии били вокруг, но они ее не пугали.

Она – летела.

И плескались за спиной синие крылья, и свистел в ушах ветер, и летели по ветру волосы грозным облаком...

Она плакала и смеялась. Кричала что-то нечленораздельное – и отталкивалась от земли.

Она была счастлива.

И знала – это ощущение останется с ней навсегда.

Она ничего не боялась.

Когда Аня вновь смогла открыть глаза – она сидела на той же скамейке в парке.

А рядом, на скамейке, как сломанная кукла лежала девочка с синими волосами. И руки её беспомощно распластались рядом. словно сломанные птичьи крылья.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Еще минутой ранее Аня запаниковала бы. Стала бы кричать. Звать на помощь.

Сейчас она была... у нее были крылья.

Рука уверенно нащупала пульс на шее у Симы.

Жива.

А теперь позвонить знакомому водителю и попросить срочно приехать.

Девочку надо доставить в отделение.

И ей туда тоже нужно.

Как можно скорее.

Девушка достала из кармана старенький сотовый телефон и принялась набирать номер.

В приемном покое Аню знали. Больница место такое. Все друг друга знают. На одном конце чихнешь – на втором тебе "будь здоров" скажут.

И Аня дружески обратилась к регистратору:

- Оль, ты оформи девчужку ко мне, в хирургию. Похоже, у нее сердце больное...
- Может, тогда лучше в кардиологию?
- Да у нее документов никаких нет!
- топнула ногой Аня.
- Там разве с ней будут возиться? А я хоть пригляжу!
- Откуда ты это чудо выкопала?
- Она меня сама нашла, – коротко ответила Аня.
- Сделаешь?
- Без вопросов.

Аня кивнула, подмигнула, пообещала шоколадку – и унеслась в отделение. За ней укатили каталку с девочкой. Медсестра пожалала плечами и стала заполнять бумаги.

Неизвестная. Сима. Цвет волос синий. Цвет глаз – синий. Одежда... странное все-таки существо... хиппи?

В отделении Аня пристроила девочку на свободную койку. Посмотрела на бледное лицо.

- Сима, я не знаю, кто ты. Но я благодарна тебе. Ты главное потерпи. Утром придет Лев Михайлович. Он все-все знает про болезни, утром я приведу сюда врачей, тебе обязательно помогут. А сейчас – поддержим сердечко. Но что же с тобой такое? Никаких повреждений, давление в норме. А пульс зашкаливает. И сердечный ритм сумасшедший. Слово сокращения идут в десятки раз чаще, чем надо.

Аня говорила, а руки уверенно подключали капельницу, вводили лекарство, поудобнее поправляли на подушке голову девочки, приглаживали растрепанные синие волосы... такие мягкие, как птичий пух...

- Дождись меня. Пожалуйста, – еще раз повторила Аня.

Вышла из палаты. И развила бурную деятельность.

Она не собиралась дожидаться утра. И заведующего – тоже.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Она сделает операцию! На свой страх и риск. А что будет дальше?

Дальше – будет видно!

А сейчас ей надо поговорить с анестезиологом, медсестрами и пациенткой.

Сначала – с пациенткой.

Аня легонько поскреблась в палату.

– Лидия Петровна, можно?

– Заходите, – лежащая на кровати женщина выглядела безнадежно усталой.
– Я вас слушаю?

Аня присела на край кровати. И коротко обрисовала всю ситуацию.

Она ничего не утаивала. Рассказала и про сомнения шефа, и про свое мнение и про желание попробовать провести операцию...

– Ваше начальство узнает...

– Только завтра. Если вы согласитесь – я сделаю операцию сегодня. Сейчас же.

Лида смотрела на девушку-доктора.

Какая она – эта Аня?

Не красавица.

Умное, худое лицо с четко очерченными скулами.

Яркие глаза. И – мираж, что ли? Или тени так легли?

На миг Лиде почудились громадные крылья за спиной девушки.

А еще она поняла, что верит. Верит ей, несмотря ни на что.

Да и чем она рискует?

Из больницы ее так и так выставят – умирать. Если ничего не сделать – будет поздно. А делать никто не будет кроме Ани. Она-то верит. И в себя, и в свою способность справиться с болезнью.

И справится.

Лида коротко кивнула.

– Я согласна. Что-то нужно?

– Ничего, – пожала плечами Аня.

– Если вы согласны – полежите немного и постарайтесь расслабиться. А я пойду готовить все необходимое.

Девушка исчезла за дверью. А Лиде опять почудились за ее спиной огромные синие крылья. Вроде тех, что у чаек.

Странно как-то. Точно – болезнь, лекарства, вот сознание и поплыло.

Аня сама дивилась, как легко ей удалось повернуть это дело.

Невероятное.

Безнадежное.

Раньше.

Еще вчера она бы опустила руки и уползла под корягу. Сейчас же – она решили драться до победного. И уже через час была готова операционная.

Чего ей стоило уговорить анестезиолога, медсестер, дежурных – знала только Аня. Она обещала, клялась, даже написала записку, что принимает на себя всю ответственность – помогло то, что серьезного начальства в больнице не было. А те, кто был, Аню знали.

Девушка даже и не подозревала, насколько о ней хорошего мнения совершенно чужие люди.

Но все коллеги видели ее изо дня в день. Видели ее одержимость профессией. Видели неконфликтность, полную зацикленность на работе, желание отдать всю себя больным, стать самым лучшим хирургом...

А сейчас от Ани словно свет шел. И противостоять ей становилось просто не возможно. Как волшебство какое-то...

Ровно через час Лидия Петровна легла на каталку.

Щелкнули мощные лампы в операционной, заливая все пространство ярким дневным светом. И с губ девушки слетело тихое:

- Скальпель...

Источник всех чудес, происходящих в больнице, сейчас лежал на убогой, еще советских времен, кровати.

Симе было плохо. Безумно плохо.

Болело все внутри. Она понимала, что умирает. Но сквозь боль, сквозь подступающую черноту, птица продолжала крепко связывать нити, пронизывающие пространство.

Она должна дать крылья.

И если для этого придется подействовать на несколько человек – разве это важно?

Может, они тоже встанут на крыло?

Потом... потом...

Больно...

Папочка, больно...

Спустя три часа Аня с гордостью вышла из операционной.

И улыбнулась.

Не зря она была так уверена в себе!

Да, придется еще пропить кое-какие лекарства. Нужен тщательный уход.

Но если все будет хорошо – Лидия Петровна выживет.

Справится!

Девушка сняла маску. Развернулась. И уткнулась носом в дорогой пиджак Льва Михайловича.

- Ой!

Аня съежилась, ожидая громов и молний. Как ни крути – она понимала, что сейчас ей оторвут голову за неподчинение. По полной программе.

И как она могла подумать, что такое удастся осуществить втайне...

Крылья за спиной девушки опали, словно съежились.

Неподалеку Сима вздрогнула от острого приступа боли.

Неужели она ошиблась?

Тогда она умрет.

Прямо сейчас.

Птица не должна ошибаться. Небо – это не тот подарок, который делают трусливым.

Но Аня таки решилась.

Подняла голову и посмотрела в серьезные серые глаза заведующего отделением.

– Вы меня, конечно, выгоните. Только дайте Лидию Петровну поставить на ноги. Ладно? Я ей обещала?

И что-то дрогнуло в мире, отзываясь на ее вызов.

Серые глаза потеплели.

– Дурочка. Тебя – выгнать? Да ты же врач от Бога! Таких единицы... дочка...

И теплая ладонь легла Ане на волосы, мягко погладила, возвращая ощущение уверенности и крыльев за спиной.

– Ты лучше меня. Намного. Я бы в твоём возрасте никогда не решился спорить. И позволил бы человеку умереть. А ты вот... ты умница, девочка.

Слезы хлынули потоком.

Аня некрасиво шмыгнула носом и тихо призналась.

– я бы тоже. Никогда бы не решилась. Но... мне сегодня словно крылья подарили.

– Не понял?

– Я т-тоже, – донеслось сквозь слезы.

– Лев Михайлович, я тут встретила странную девочку. И ничего не могу для нее сделать. Может, вы посмотрите ее? Ей очень плохо. И я привезла ее сюда. Я не могла бросить ее на улице. И не знаю, как ее благодарить...

– За что?

– За полет и крылья...

Слово было произнесено так тихо, что его почти никто не услышал.

Или совсем никто.

Потому что в следующий миг раздался грохот и звон. Из дальнего конца коридора.

Аня побледнела и метнулась в ту сторону.

– СИМА!!!

Она знала, откуда донесся грохот.

Но когда она влетела в палату, было поздно.

Сима соединила последнюю ниточку и улыбнулась. Сквозь боль и прерывистое дыхание – улыбнулась.

Вот так.

Мир обретет гениального врача. Врача, с раскрывшимися крыльями. Который будет бороться за каждого пациента. И спасет миллионы жизней.

Не ее.

Ее уже нельзя спасти.

Ее время истекает... почти истекло.

Боль нарастала, становясь невыносимой.

Перед глазами плыли лицо отца и морда лиса, сливаясь в единое огненное облако.

Еще немного – и боль закончится.

Она умрет.

Сима знала это.

Но уходить было не страшно.

Она совершила самое важное в жизни птицы. Она сделала крылатыми трех человек.

Мало это или много?

Невероятно много.

Зазвенела, истончаясь, ниточка, связывающая Птицу с жизнью.

Еще немножко... чуть-чуть... Сима потянулась к ней. И увидела знакомое и родное лицо. Лицо женщины с такими же синими волосами, как у нее. Она никогда не видела ее раньше. Мама умерла при родах. Но теперь они будут вместе, правда?

Девочка протянула руки.

Порыв ветра распахнул окно.

– ...И не знаю, как ее благодарить...

– За что?

– За полет и крылья...

Струна лопнула.

Симу отшвырнуло назад.

Мама погрозила пальцем и отступила в темноту. Мол, не суйся раньше времени. Лети отсюда!

И девочка обнаружила, что сидит на кровати в какой-то комнатке с крашеными стенками.

Рядом валялась странная металлическая конструкция.

Сима посмотрела на свои руки.

На грудь.

Огоньков больше не осталось. Но... она жива?

Да!!!

И это может значить только одно.

Девочка вскочила на кровать. И рассмеялась.

Она – прошла испытание.

Руки взметнулись, словно крылья...

Какие они – синие птицы?

Яркий лазурный хвост. Темное окаймление по краю крыла. Узкая, изящная головка, точеная шея, пышное оперение... и человеческое лицо.

Сима? Лицо ее. А глаза стали намного ярче и серьезнее.

В следующий миг в окно выпорхнула синяя птица.

Блеснула пышным оперением – и растаяла, слившись с ночным небом.

Когда Аня влетела в палату, там ничего не было.

И никого.

Смятая кровать.

Опрокинутая капельница.

Несколько ярко-синих перьев на белой простыне.

– А где пациентка?

– удивился Лев Михайлович.

– Ох, и здорова ты бегать!

– Не знаю, – Аня развела руками, незаметно сгребая с кровати перышки.

– Вы, правда, не слишком сердитесь?

– Да я почти с самого начала знал. И разрешение дал по телефону на твои художества. Хотя драть тебя надо солдатским ремнем. Чтобы знала.

Аня улыбнулась.

– Меня надо учить и учить. Чтобы я стала хорошим хирургом.

– Отличным. И замечательным.

Девушка улыбнулась. Подошла закрыть окно. И тихо шепнула в ночное небо:

– спасибо, Сима.

Показалось ей или нет? Но на миг ветер донес до ее ушей торжествующую птичью трель.

И все смолкло.

Аня проживет много лет. Спасет множество больных.

Но эту песню она никогда не позабудет.

Никогда...

Интерлюдия 3.

Немного позднее.

- Дядь Миша, а я сегодня сальто сделать смог!

- Лёшка, ты просто молодец! Ты вообще прирожденный боец.

- Наверное.

- Как мама?

- врачи говорят, что ее скоро можно будет выписывать. Недели через три она будет дома. А вы пойдете с нами ее встречать?

- Ели пригласишь - пойду.

- Обязательно приглашу.

- Мальчик замялся ненадолго, а потом все-таки спросил.

- Дядь Миша а вы никогда на улице не видели девочку с синими волосами?

- С синими? Как Мальвина?

- Наверное. Только Сима - она невероятная. Я после встречи с ней смог взлететь...

- Дети часто летают. Когда растут, - Михаил Иванович погладил ребенка по торчащим вихрам. Но Алёша помотал головой.

- Вы не понимаете. Я не спал. А она помогла мне взлететь.

Михаил Иванович не стал спорить. Только улыбнулся. Мальчик вырастет и забудет А пока не надо разрушать эту сказку.

- Тогда скажи ей за это спасибо. Летать дано не каждому.

Алёша поглядел в небо.

Вспомнил ощущение облаков под крылом. И вдруг четко и громко произнес:

- спасибо тебе, сима!!!

- Сегодня мы в гостях у Владислава Петровича Конюшенного.

Журналистка улыбалась в камеру профессиональной улыбкой. Безжизненной.

Но недолго. Стоило ей войти в галерею, где были выставлены работы художника, как она восторженно ахнула. И разговаривала уже совсем по-другому.

Нельзя было поверить, что все это - дерево.

Легонький кораблик словно летел по волнам. И деревянные паруса ей-ей шевелились, как живые.

Загадочно смотрели человеческие лица с резных портретов. Они не имели ничего общего с иконами. Ни канонов, ни установлений.

Но гений мастера был таков, что люди казались живыми. Только дотронься - и деревянные глаза распахнутся, губы улыбнутся - и портрет оживет.

Легкое деревянное кружево словно плыло в воздухе. Птицы парили под потолком. Олень, вырезанный из причудливого корневища, словно оттолкнулся одной ногой от подставки - и застыл в момент прыжка.

Леший тянул то ли лапы, то ли корневища к входящим. И по строгому его лицу было видно - не зли хозяина леса! Заплутаешь и не выпутаешься...

фигура обнаженной женщины в углу стояла, гордая и спокойная в своей наготе. И

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
даже сомнения не возникало – именно так правильно. И какая там обнаженная натура!?

Какая критика?

Там, где приходит гений – умолкает змеиное шипение.

Спустя час, когда прекратилось выражение восторгов и восхищений, журналистка смогла-таки перейти к деловому стилю общения.

И добралась до главного вопроса.

– а почему вы вдруг решили заняться резьбой по дереву? Обычно в этом возрасте уходят из профессии, а вы только открыли себя. Как так получилось?

Владислав Петрович улыбнулся.

– Сложно сказать. Наверное все началось с одной встречи. Сима, если ты услышишь меня – спасибо тебе за все. Теперь я понимаю, что такое счастье.

И уже тихо. Совсем тихо.

– Спасибо тебе за крылья...

Над миром парила первая синяя птица за несколько сотен или даже тысяч лет. Она летела и пела. И в небесах звенел ее торжествующий голос.

Первая синяя птица встала на крыло.

Сима знала – за ней придут другие.

Кто-то погибнет. Несомненно.

Но те, кто выживут – взлетят. Подарят людям крылья. И мир сделается немножко лучше.

Она обязательно вернется домой. Но не скоро. Очень не скоро.

Ей хотелось лететь над миром и петь.

А когда она устанет – она спустится вниз.

Будет ходить среди людей, и заглядывать им в глаза.

Смотреть в душу.

Искать крылатых.

И помогать им встать на крыло.

Счастье для птицы – небо.

Счастье для людей – птица.

Только не сжимайте руки. Не душите свое счастье. И будьте ей благодарны.

И звенел, звенел над миром торжествующий напев. И небо становилось синее там, где его касались птичьи перья.

Спасибо тебе, Сима...

Может надо рискнуть, чтобы встать на крыло?

Надо кому-то помочь. Себя превозмочь.

Не отступить.

Сказка о счастье. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Ни пяди души не уступить.

Лени, бездарности, злу,

Равнодушному холодному сну.

Сверкать.

Жить, а не существовать.

Гореть

Пусть лишь миг, но гореть, не чадить и не тлеть.

Пылать.

И огнем души весь мир согревать.

Взметнуть синие крылья надежд

Над головами невежд.

И лететь.

Расправить крылья и петь.

О свободе, вере, надежде, любви...

Прошу тебя, птица, живи!!!

А мы для тебя раскроем свои

Синие крылья любви.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://goncharovia.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!